

В. И. Косик

**Балканы: память и памятники
в процессе «печатания» новой культуры национализма**

Текст связан с освещением темы национализма в культуре Балканских стран на современном этапе. Приводятся многочисленные факты, свидетельства, сюжеты из разных областей культуры, свидетельствующие о борьбе с памятью и памятниками «чужих народов» и сохранении «своих».

Ключевые слова: память, памятники, национализм, национальные движения, Балканы, Косово, Хорватия, Босния, Македония, Болгария, идентитет

Viktor I. Kosik

**The Balkans: memory and monuments
in the process of «printing» a new culture of nationalism**

The text associated with the topic of nationalism in the culture of the Balkan countries at the present stage. The essay provides numerous facts, evidence, stories from different areas of culture, showing the struggle with memory and monuments of «alien peoples» and maintaining «our».

Keywords: memory, monuments, nationalism, national movement, Balkans, Kosovo, Croatia, Bosnia, Macedonia, Bulgaria, identity

В настоящее время слово «национализм» имеет ярко выраженную негативную характеристику. Но здесь не следует забывать, что этот термин можно толковать и как положительное явление, как движение к освобождению народа, строительства собственного государства.

Тривиальным примером может служить весь XIX и XX столетия. Штампом стало обозначение всего позапрошлого столетия как века национальных движений. Практически то же самое можно сказать и о прошлом веке. Да и сейчас в мире идут процессы, связанные с национализмом/ национальными движениями.

Ситуация в мире напоминает одну из картин Сальвадора Дали, где изображены группы людей, распределенных квадратами и целыми ружьями друг в друга. Не исключение и Балканы. Этот «пороховой погреб» наконец-то взорвался, но еще остались «неразряженные мины» в сознании, душах многих балканцев.

Соответственно, окончание балканских войн отнюдь не означало примирения в сознании и в душах людей. Власти могли говорить прекрасные слова о строительстве новых, мирных отношений и сотрудничестве, прежде всего, в области культуры (кино, театр, печать, литература), но процесс идет медленно, «со скрипом».

Две коротких зарисовки.

Первая. Сербь в Хорватии сведены на уровень национального меньшинства, и сербов по-прежнему считают приезжими из Сербии, хотя на хорватской земле они живут веками. Председатель Сербского культурного обще-

ства «Просвета» («Просвещение») в Загребе Чедомир Вишнич говорил в интервью еженедельнику «НИН» («Недельне информативне новине» («Недельные информативные известия»)), что в книжных магазинах Загреба можно найти и изданную в Белграде сербскую литературу, но, разумеется, не на витринах, а внутри, на полках. Хотя «кириллица» здесь воспринимается как некий вызов. Впрочем, замечает респондент, это больше о людях, нежели о письме. Говоря о проблеме идентитета сербов Хорватии, глава «Просветы» подчеркнул ее болезненность для сербской культуры и сербской интеллигенции. «Быть сербом в Бельгии не влечет никаких проблем, быть сербом в Италии – еще меньше... Между тем быть сербом в Загребе нечто совсем другое», где речь может идти почти о мазохизме. Идентитет сербов здесь «опущен в кислоту, которая его надгрызает... Правда в том, что он исключительно зависит от межгосударственных отношений и перемен репутации/авторитета Сербии»¹.

По-другому, но на эту же тематику, писал другой серб.

Размышляя о Сербии, известный писатель Матия Бечкович еще в далеком 2001 г. в своем интервью журналу «Blic» («Блиц»), опубликованном 16 февраля, горько говорил, что «каждые 100 лет нужно было бы появиться новому Вуку Караджичу, задача которого состояла бы в введении народного языка в литературу. Помню, что когда ходил в школу, некоторые преподаватели учили иностранные слова и выражения, чтобы походить на интеллигенцию». Отвечая

дальше на вопрос о передаче своей премии, врученной ему Институтом Андрича, Матице Сербской и Сербскому литературному объединению, писатель откровенно сказал, что, по его мнению, все институты, которые имеют в своем названии прилагательное «сербск(ий, ая...»), как Матица сербская, Сербское литературное объединение, Сербская академия наук, сербский язык, сталкиваются с проблемой, вызванной этим «прилагательным». Иронично продолжая, Матия Бечкович подчеркнул, что если бы все они «назывались по-другому, то это позволило бы, возможно, решить „эту проблему“». И в заключение его слова: «Прилагательное» напоминает, что «сербская культура и язык несколько шире, нежели политика»².

Слом Югославии, ее «братства и единства» означал и прощание с ее героями, на смену которым приходят иные.

Начну с маршала Тито, «человека без национальности». «Мы Титовы, Тито – наш», скандировала югославская молодежь. Потом лозунг менялся в зависимости от имени очередного национального лидера, типа «Мы Слобины» (от имени Слободана Милошевича), «Мы Алиины» (от имени Али Иизетбеговича), «Мы Франьены» (от имени Франье Туджмана).

В честь маршала был назван ряд городов в Югославии, вернувших себе в 1990-х гг. прежние имена:

столица Черногории Подгорица называлась Титоград,

Велес в Македонии – Титов-Велес,

Косовска Митровица – Титова Митровица,

Ужице в Сербии – Титово-Ужице,

Кореница в Хорватии – Титова-Кореница,

Дрвар в Боснии и Герцеговине – Титов-Дрвар,

Веленье в Словении – Титово-Веленье.

Вместе с маршалом Тито уходили в прошлое и «революционные» улицы, например, в Белграде, где бульвар Революции (бульвар Революции) стал именоваться бульвар короля Александра (бульвар краля Александра), улица Пролетарских бригад (Пролетарских бригада) – улица Крунска, улица Лоле Рибара – улица Светогорска.

Впрочем, в Загребе осталась площадь, носящая имя Тито.

Не менее массивная атака шла на все сербское, в основном, в Хорватии, в Боснии и Герцеговине.

Мне пришлось увидеть на хорватских дорогах дорожные указатели сел, где были пробиты пулями тексты на сербском языке. Впрочем, это не было чем-то новым. Все это практиковалось еще со времен Второй мировой войны в Независимом государстве Хорватия.

Очень эмоционально на тему «полураспада» Югославии написала югославка Дубравка Угрешич:

Распад многонациональной Югославии, война и создание новых национальных государств сопровождал параллельный процесс идиотизации народа. Здесь в качестве коммуникаторов приложили свои старания всегда готовые меди (ТВ, газеты, радио) министры и министерства культуры, разные государственные комиссии (например, по контролю за чистотой хорватского языка), цензоры и шуты, старые и новоиспеченные писатели, новоиспеченные университетские деканы и т. п. Процесс успешной идиотизации возможен только в условиях изоляции. Типичнейшие метафоры для изоляции – тюрьма или сумасшедший дом. Посткоммунистические государства гордо бьют в грудь своей новой демократии: оставим поэтому тюрьму и выберем сумасшедший дом.

Только за пять лет успешно завершена первая предпосылка на пути к завершающей идиотизации народа. Первое условие – коллективная амнезия... Граждане новых государств забыли как общую, так и свою историю. Сожгли партийные билеты, бросили родную тетку из Смедерева в мусор, некоторые это сделали с сербскими музеями, женами и родней, забыли то, что прежде говорили, работали и писали... забыли всю свою предыдущую жизнь³.

Много эмоций, замешанных на преувеличениях. Так, я совершенно не согласен с тем, что новые государства забыли свою историю, совсем наоборот, она у них, я бы сказал, гипертрофирована. Здесь можно назвать ту же Македонию с ее Александром Македонским, хотя в последнее время эта тема стала звучать несколько глуше.

Естественным будет тут вспомнить и болгарский Батак, где в 1876 г. османлии в ходе подавления Апрельского восстания устроили резню христиан. Этот сюжет обусловил появление полотна «Баташкото клане» («Резня в Батаке»), автором которого был Антони Пиотровский. Эта картина, как пишет видный болгарский историк И. Тодев, была воспринята в Болгарии как «символ освобождения от Османской империи и начало Болгарии как независимой нации»⁴. К этому следует добавить, что в конце XIX – начале XX столетия в Болгарии были изданы почтовые открытки с фотографиями церкви Св. Недели, где погибли многие жители этого села.

Причем и сегодня не утихает дискуссия среди тех, кто считает батакскую резню мифом, и теми, в частности, представителями академической науки, которые придерживаются обратного мне-

ния. Добавлю, что в 2007 г. в Софии критиками этого феномена был издан сборник статей «Батак как место памяти» («Батак като място на паметта»), составители Мартина Балева, Улф Брунбауэр.

В центре разгоревшейся полемики встали вопросы не только ложности или подлинности, но и вопросы исторической памяти, внесения политики, плюс участие СМИ в кампании вокруг Батака. Можно выдвинуть предположение, что феномен Батака стал той «жертвой», которую пытаются использовать обе стороны в своих целях.

Сама Болгарская церковь в начале этого тысячелетия канонизировала погибших в этой резне.

Или, например, Косовская битва 1389 г. Да, героически сражались сербы, но... они снискали славу героев, но не победителей. И тем не менее я здесь не прав. Точнее будет сказать, что Косовская битва стала в сербской истории своеобразным знаменем борьбы христианства, православия, с исламом. Нет, не то... Косово – это «жертва», принесенная прошлому, настоящему и будущему. Многовековое турецкое владычество, вошедшее в историю, литературу сербского народа, не забыто до сих пор.

Косово стала своеобразным источником вдохновения всего сербства – от простого народа до мастеров искусства. Один незатертый пример – судьба и творчество скульптора Светомира Арсича Басары, родившегося в Косово и посвятившего ему свой «косовский цикл», который можно воспринять как «искание собственных корней» и протест против уничтожения «экзистенциального, духовного и культурного идентитета сербского народа на Косово и Метохии, их колыбели»⁵.

В конце 1980-х гг., времени нарастания албанского наступления на Косово, Басара отзывается на грозные события не только своим творчеством, но и «физически», участвуя в сопротивлении. В то же время на митинге в Титограде он скажет: «Нам приписывается национализм... тем самым пытаюсь снизить и скомпрометировать наше сопротивление геноциду и наши судорожные попытки остаться там, где мы есть. Националистом называется каждый, который публично и аргументированно указывает на истину о происходящем в Косово». Скульптор и националист Светомир Арсич Басара подчеркивает, что не может быть знака равенства между насильниками и теми, кто в «ночных дозорах бережет не свой мир – давно мира в Косово нет для наших детей – но свои очаги и элементарную честь, и достоинство своих домашних»⁶.

Обращаясь к себе, в себя, Басара писал: «Я рос с албанцами и знаю, когда моему отцу было тяжелее всего... помогли ему именно албанцы. Когда дело доходило до беззакония,

албанские села защищали сербские, и обратно, а сейчас этический чин, который когда-то помогал остаться в живых, разорен»⁷.

Как пишет Срджан Маркович, автор строк о Басаре, «именно официальная поверхностность по отношению к актуальной проблеме совместной жизни в Косово, собственное чувство ужаса над албанским, и не только албанским, национализмом и ощущение бессилия» привели к тому, что Басара покидает Косовскую Академию наук, которая в то время была, в сущности, центром военного албанского национализма. Ему оставалось только творчество. Пожалуй, здесь самое время назвать его монументальный ансамбль «Вечная слава», составленный из «пяти объектов, экспонирующих самые существенные части сербской светской и духовной истории». Это – «Вечная стража», «Вечный строй», «Вечная слава», «Вечное отпевание», «Вечный огонь». Для Басары этот ансамбль «стал единственным способом для того, чтобы драматично и искренне, через современную скульптурную форму заговорить о настоящем»⁸.

Сейчас наступило иное время.

Косово – «живая рана» на теле сербского народа. «Заживет» ли она когда? Не знаю. Ясно только одно: территория Косово потеряна для Сербии. И произошло это во многом вследствие политики Белграда, да и самих сербов. Для многих из них было легче призывать к войне, отсиживаясь, например, в Белграде, устраивать форумы, презентации, демонстрации, нежели самим что-либо делать реальное для «своего» Косово.

Но, конечно, есть и «закоренелые националисты», по-другому – патриоты.

Литератор Райко Петров Ного в интервью журналу «НИН» подчеркивал, что в Косово был «наш корень», и в нем будут и в дальнейшем черпать неиссякаемую энергию косовские песни, оставляя «след в нашей душе». Отвечая на провокационный вопрос интервьюера о том, что его и группу интеллектуалов из Боснии и Герцеговины, часть общества обвиняет в «некритическом национализме», даже называя «поджигателями войны», нанесших ущерб «общему сербскому делу», Райко Петров Ного ответил, что признает себя «некритическим националистом» по сравнению с «критическими мондиалистами». И дальше: «Признаю, что политически наивен, и эту свою наивность берегу. Признаю, что перед „поджигателями мира“ он „поджигатель войны“ и нанес ущерб общему сербскому делу, которое тогда так твердо стояло, как сейчас висит»⁹.

И немного стихов замечательной сербской поэтессы, с которой я познакомился во время одной из поездок в Белград. Нада Драгоевич в своем небольшом сборнике «Да не забудется» («Да се не заборави») (Београд, 2008) поместила

несколько своих проникновенных стихотворений на Косовскую «рану».

Одно из них: «Чија ли си земља»

Када ме буду питали,
Како ћу рећи
Да у Србији више нема
Ни Приштине, ни Пећи
да није више моја Грачаница,
да за сваком светињом
на срцу ми је раница
што се у један бол скупља
и тиња без престанка
по целу ноћ
па опет, од јутра до заранка.
Како ћу забранити Ибру
Да не тече у Србију
И Марици да о Боју прича
грозду што крај манастира расте,
о потомку лозе Немањича
што га кроз цвркнут
по свету проносе ласте.
Како ћу заборавити божуре
што их душманин покида и смрви
да не остане ни једна латица,
како ћу без тебе Косово
кад си нам ти матица? –
теби, колевци нашој
затворише духовне очи
јер их од њих подилази страх,
ти си им трн у оку
у њиховом уму си мрак.
Пустили смо у тор вукове
душманима врата отворили широм
они наш изрод купише
лажним обећањима и лажним миром,
а ја, како ћу ја без тебе, Косово
кад сване нови дан
молим Господа да ми каже
да све је ово само ружан сан¹⁰.

(Подстрочник: Чья это земля? Когда меня спросят, как я скажу, что Сербии больше нет, ни Приштины, ни Печи, что нет больше моей Грачаницы, и о каждой святыне у меня на сердце рана, которая в единую боль превращается и теплится постоянно по целой ночи от утра до сумерек. Как запретить Ибру не течь в Сербию и Марици о Бое рассказывать виноградной кисти, что около монастыря растет, о потомке рода Немањичей, что его сквозь щебет проносятся по миру ласточки. Как я забуду пионы, которых душман посрывал и растоптал, чтобы не осталось ни одного лепестка, как я без тебя, Косово, когда ты нам родное гнездо? Тебе колыбели нашей закрыли духовные очи, так как от них охватывает страх, ты им колючка в глазу, в их уме ты страх.

Пустили мы в загоны волков, душманам широко распахнули двери, они наше отродье купили ложными обещаниями и ложным миром. А я, как я буду без тебя, Косово, когда займется новый день, прошу Господа мне сказать, что все это только дурной сон.)

Или Гаврило Принцип. Герой? Да, твердят в Сербии, конечно, герой. Выстрел в Сараево стал знаковым к революциям в Европе, переменам на политической карте мира.

Но мне почему-то грустно. В Первой мировой войне погибло почти два миллиона русских солдат. Была расстреляна императорская Россия, на многие годы замолчано прошлое моей страны.

И в завершение: больше всего мне жалко «тетку из Смедерева».

Больше всего о родине пишут во время войны, где опять есть «свои» и «чужие», где мщением дышит строка, где пуля достанет врага, где серб или хорват обретет свой покой под могильной доской.

Ведь не хотел так писать, само получилось: наваялось одной хорватской/сербской песней.

Вот, например, отрывок в моем переводе из хорватской – «За Родину готовы»:

«За Родину, братья, за свободу, боремся мы /
Слушайте, сербские добровольцы, банда четников /
Настигнет вас наша рука и в Сербии».

Причем замечу, что с текстом этой зажигательной песни был выпущен талантливо сделанный клип, мелькавший на хорватских экранах. Энергетика лилась рекой с экрана.

Темы для обличения «чужого» были самые различные. Например, в текст вводилось странное словосочетание «сербско-византийская жизненная философия» с ее «глаголами»: убей, отними, укради. Именно они, как утверждалось, были свойственны сербскому крестьянину¹¹.

Это прекрасный пример того, что если нужно, то хороший журналист «сделает» текст.

Топ-изобретением в пропаганде хорватизма стала после провозглашения независимости продажа банок с надписью «чистый хорватский воздух». Слово «чисто», стало, пожалуй, самым популярным в Хорватии. Казалось бы, здесь нет и повода, чтобы придрасться и обвинить хорватов в национализме. Но тут надо смотреть всю картину «вымойтой Хорватии» от сербов, где пришло время для проверки крови, биографии, уверений в своем хорватизме.

Так, глава Хорватии заявил, что «он счастлив, что его жена не сербка, не еврейка, а хорватка».

Дубравка Угрешич ядовито писала: «Византийская кровь в новой системе ценностей чисто/грязно – самая опасная форма загрязнения. Определение византийский/ая/ое – суть про-

сто другое, более тонкое слово, обозначающее сербское, православное, что в языково-идеологической системе значит хитрый, грязный»¹².

В то же время нельзя сказать, что в Хорватии, Сербии, Словении, Боснии не писали антивоенных текстов против национализма, против ненависти, против изнасилований и прочих «спутников» войны. Среди них были и журналистки, писательницы, интеллектуалки. Но в той же новой демократической Хорватии они бы объявлены «предательницами», «аморальными особами», даже «ведьмами»¹³.

На табличке дома профессора Челленджера, одного из персонажей романа Артура Конан-Дойла «Затерянный мир», вместо обычного «Осторожно, злая собака» было написано «Журналистам и нищим вход воспрещен». Эта ремарка отчетливо свидетельствует о совершенно разном отношении к журналистике – распространительнице мира информации. Она может и нередко выступает искателем правды, научной истины, короче, трансформером, толкователем и т. д.

И здесь печать, повторяю, играет громадное значение. Ее стараниями живет старая как мир «культура лжи», когда «черное» выдается за «белое», точнее, информация окрашивается в «нужные» цвета, формирует необходимые настроения в обществе.

И опять СМИ. Читательница старейшей сербской газеты «Политики» Лана Милошевич в своем комментарии на статью Деаны Димитриевич «Спуск в культуре» пишет: «Так, когда имеете 50 каналов, которые предлагают банальности, нельзя говорить о праве выбора. Или когда из пяти ТВ-станций, вещающих на национальной волне, четыре передают турецкие и тому подобные серии, то опять не говорим о равноправности. Можно говорить о праве выбора тогда, когда предложение содержания будет одинаково и одинаково представлено. А вопли о культуре должны быть гласными, нас уничтожит шептание. Культурная элита давно спит зимним сном, время проснуться. Зачем нам деньги, т. н. авторитет, если потеряем культуру и вместе с ней идентитет...»¹⁴.

Национализм, бесспорно, связан с двойными стандартами. Более того, он всегда будет иметь национальность. Это, безусловно, тривиальность, но следует взглянуть шире на картину того, что при рассмотрении военных преступлений хорватов будет употребляться в большинстве случаев слово «ушташа», если же речь заходит о преступлениях сербах, то они будут названы «сербскими». Более того, как пишет Зоран Чирьякович, в многочисленных толкованиях югославских войн в 1990-х гг.

акцент делается на то, что «сербы суть люди, программированные своей, якобы геноцидной культурой». Поэтому, продолжает свою мысль сербский автор, «вина одного серба сегодня, как правило, не может быть воспринята как индивидуальная – она всегда связывается с культурой, что, практически значит как коллективная»¹⁵.

Здесь З. Чирьякович «находит необходимым искать некоторые из причин того, почему Сребреница стала „сербской“, а в сотню раз больший Аушвиц остался „нацистским“»¹⁶.

Я тут написал, что национализм связан с двойными стандартами. Добавлю, и не только. Здесь и «двойные герои», когда ту или иную известную личность делят балканцы. Так сербы и хорваты до сих пор не могут «поделить» замечательного ученого Николу Тесла, серба, родившегося в Хорватии, но совершившего свои гениальные открытия вдали от Балкан, в Северной Америке. Его имя вписано в историю сербского народа и мировой науки. Тесла для сербов стал, говоря современным языком, культовой фигурой, знаком сербства, открывающего себя в мире. Но в Хорватии его имя также чтят и помнят его рождение именно на хорватской земле, и первым вздохом Теслы был хорватский воздух. Есть музей Теслы, проводятся различные мероприятия, связанные с его именем.

Можно задать вопрос, кем он сам считал себя? Хорватом? Сербом? Тесла неоднократно называл себя сербом и Сербию чтит как свою родину. В то же время считал себя югославом, придерживаясь идеи единства югославянских народов¹⁷.

А может быть хорватом? Во время одной из своих «научных и ненаучных» поездок в Загреб я увидел, как бережно хранят память о Николе Тесле «его хорваты», на земле которых он родился. Так, на одной из памятных досок был помещен барельеф великого ученого со следующими его словами, в переводе звучащих так: «Считаю своим долгом как родной сын своей земли оказать помощь городу Загребу в любом виде – советом и действием». Эти слова были сказаны 24 мая 1892 г., когда он «предложил городской общине постройку электростанции на переменном токе».

Во всяком случае, его имя с трудом может быть втиснуто в национальные рамки. Он гений трех народов – сербского, хорватского, американского, шире – всего мира. Одно, несомненно, пока в мире есть деление по национальному признаку, имя Теслы будет принадлежать сербству. Во всяком случае, в церкви Преображения Господня в г. Требинье в Республике Сербской можно увидеть на одной из стен храма портрет держащего в руке «электрический разряд» Николы Тесла в полный рост.

Пожалуй, больше всего «двойных героев», вошедших в «общую» историю Болгарии и Македонии. Это – революционеры Яне Сандански, Гоце Делчев. Память о первом хранит названный в его честь город. В Македонии имя Сандански звучит в государственном гимне наряду с именем Гоце Делчева, который вошел и в болгарскую историю как национальный герой. В его память названы два города: в Болгарии – Гоце Делчев, в Македонии – Делчево.

Сюда можно добавить и имя поэта Николы Вапцарова, которого считают своим и Болгария, и Македония. В городах этих славянских стран есть улицы, носящие его имя.

А пока в хорватских городах, таких как Осиек и Вуковар, с домов «исчезают» таблички с двуязычными названиями, т. е. на хорватском и сербском языках. Это 2013 г. Появляются периодические надписи «србе на врбе» («сербь на вербы») и подобные граффити. Все это совершенно укладывалось в реализацию «великой чистки», о необходимости которой неоднократно твердили «настоящие хорваты».

Например, еще в далеком 1995 г. хорватский литератор Слободан Новак объявил, что только «такая гигиеническая процедура» поможет его стране избавиться от «югоунитаристского и великосербского мусора, которым засыпали целое столетие»¹⁸.

В Сербии тоже «не дремлют»: там лет восемь тому назад был выпущен парфюм «Серб» в форме ручной гранаты-кашикары (кашикара – элемент задержки взрыва, напоминающей ложку, отсюда и название. – В. К.)¹⁹.

Жертвой национализма стал и нобелевский лауреат Иво Андрич, вернее, его памятник в городе Вышеграде, получивший мировую известность, благодаря роману Андрича «Мост на Дрине». 1 июля 1991 г. памятник Андричу, этому «великому четническому идеологу», как сказал имам мечети Короля Фахда в Сараево Незим Халилович Мудерис, был разрушен, его обломки были сброшены в Дрину.

Другой деятель культуры, а именно председатель бошняцкого культурного объединения в Тузле Мухид Пашич весной 2007 г. объявил Андрича создателем «национально-шовинистического проекта» под названием «Великая Сербия» и провозгласил, что если бы Андрич был еще жив, то на него подали бы в суд, как на человека, ответственного «за преступления в Боснии» и «всех ужасах, произошедших с бошняцким народом»²⁰.

Тем не менее Андрич входит в культуру трех народов – сербского, хорватского, босанского. Впрочем, как и ранее упоминавшиеся Негош, Матия Бечкович и Михайло Лалич, которых считают своими и сербы, и черногорцы.

Сюда можно добавить и «вклад» сербов в уничтожение здания библиотеки в Сараево, и «вклад» хорватов в разрушение знаменитого моста в Мостаре²¹.

Можно прибавить и македонских националистов, попытавшихся в 2013 г. разрушить в Скопье памятник коронованному там в XIV столетии сербскому царю Душану. Хотя тут же добавлю, что известие об открытии памятника прошло «незамеченным» в сербских СМИ.

Напомню, что когда Югославия была уничтожена как «тюрьма народов», то национальность в большинстве случаев определялась по вероисповеданию: грубо говоря, католик всегда хорват, православный всегда серб (македонцы остаются за скобками, так как те же сербы «подзревают» в них болгар), мусульманин – всегда бошняк (босниец).

С Македонией тяжелей всего в силу разных причин, связанных как с ее «албанизацией», так и спорной «болгаризацией». В частности, в Македонии уже около 100 000 человек имеют болгарские паспорта, и несть числа албанцев с македонскими.

Слова «национализм», «культура» всегда сопрягаются с понятием «родины». Слом Югославии заставил многих ей «изменить».

Вот что пишет Дубравка Угрешич об этом: «У меня нет любви к родине. Тем более что „родина“ – синоним государства. Тем более что мне „родину“ берут (или мне дают)... и требуют от меня еще безоговорочной любви. Любую навязанную любовь, и также ту к родине, считаю глубоко извращенной»²².

Что же, во многом можно не соглашаться с ней, но дело не в споре, полемике, в другом, в том, что само понятие «родины» может со временем исчезнуть из словаря. Но на Балканах национализм побеждает, пока. Очередным доказательством этого может послужить уничтожение в Хорватии десятков тысяч «иностранных» книг, напечатанных в Сербии. Причем автор инструкции по уничтожению книг получил от хорватского государства премию в День библиотечного работника²³.

А теперь вновь о ненависти.

Можно ли ею жить?

Конечно, да, учитывая, что для многих те же сербы – агрессоры, все остальные – жертвы. Но есть на Балканах особый народ – словенцы, живущие особняком. Любят ли они себя, без сомнения, ответ утвердительный. Других? Тут все сложнее. Скорее всего «нет», чем «да». Впрочем, глагол «любить» к «другим» не относится.

Одна из моих знакомых словенок вкратце так говорила мне: «Мы очень холодные на первый взгляд. Только после того, когда мы узнаем цело-

века, мы откровенны, любезны. У нас патриотизма нет, если он бывает, то редко. Мы не лидеры, главы чего-нибудь, нам легче следовать. Правда, что словенцы очень трудолюбивы, очень толерантны, честны и, к сожалению, завистливы. Мы всегда сами говорим, что мы слуги... всегда хотим и работаем, чтобы достичь чего-то, но никогда не достигаем. Утопия... Слава Богу, что бывают исключения»²⁴.

Разумеется, это частное, субъективное мнение, которое всегда можно оспорить. Предложу другое, свое, тоже субъективное. Для меня словенцы лидеры по своей экономике, всегда готовы прийти на помощь и, главное, открыты, во всяком случае, со мной так было.

И, наконец, Босния.

Ненад Величковиц, босанский писатель. В своем эссе «Поглупей по приказу» он взял своей очередной мишенью книгу для чтения «Сезам, открылся», изданную в Боснии.

После уже ставших традиционными мрачных перспектив умирания книги, которую еще удерживает из последних сил «на плаву» школа, автор пишет об этом институте знания весьма критично, оценивая его как средство своеобразного программирования национализма. В качестве предмета исследования стала «Книга для чтения», авторы которой – А. Верлашевич и В. Алич. Как указывает автор, она больше всех используется в школах на территории Федерации для учеников разных классов. Например, там можно было прочесть, что стечак, один из типов босанских надгробных памятников с надписями на глаголице или босанчице, представляет собою памятник народного языка в Боснии.

Однако, как пишет Н. Величковиц, такой тип памятников можно встретить в Герцеговине, Хорватии, Сербии и Черногории. Причем надписи выполнены и кириллицей, т. е. это, подчеркивает автор, исторический фальсификат.

И еще один пример из сферы классификации писателей по национальности. Так, у всех босанских литераторов, в отличие от сербских, за исключением одного случая, указывается национальность.

Литература в образовательной системе занимает особое место, уже хотя бы потому, что по числу отводимых ей часов она интегрирована в идеологию. Наглядный пример – Босния и Герцеговина. Эта страна разделена на 10 кантонов (шесть с босанским большинством, два с хорватским и два со смешанным). У всех них имеются свои органы управления. В итоге получается три образовательных сектора, в каждом из них всю власть имеют сербский, хорватский, босанский национализм. Соответственно, используются различные книги для чтения, которые получают

одобрение «своих» министерств, печатаются и продаются, т. е. каждая из сторон занимается их печатанием и продажей. Литература конституируется как альтернативная этническая история. Риторика заменяет логику. Вместо термина используется метафора. Поощряется вера в стереотипы.

Национальный туризм равным образом может восприниматься как национально-образовательный феномен своего времени, феномен памяти. Здесь можно вспомнить и знаменитую Мишарскую битву между повстанцами сербского вождя Карагеоргия и османскими частями в 1806 г. В чем же ее важность? Ответ прост: это было в начале XIX в. одно из первых турецких поражений. Победу сербов воспел в 1807 г. знаменитый эпический стихослагатель Филипп Вишнич. Это сербское торжество воспринималась как «генератор национальной идеи», целью которой было конституирование независимого сербского государства²⁵.

В сочетании с культом павших героев Мишарское поле служило как династическим целям, так и национальному идеалу. И, конечно, это легендарное Косово поле, где храбрость сербских воинов в их неравной битве с турками была воспета во многих жанрах искусства. В Черногории – это знаменитый храм Василия Острожского в Никшиче, воздвигнутый в память погибших черногорских и герцеговинских христианских воинов в борьбе с турками. Замечу, что освященный в 1900 г. храм был построен по проекту русского архитектора Михаила Тимофеевича Преображенского.

Самый грандиозный памятник – развалины в Вуковаре с расстрелянными зданиями, церковью, надгробными плитами. Я видел и другие «памятники войны», например в Сараево. У меня навсегда останется в памяти дорога на Книн, по обеим сторонам которой можно увидеть брошенные дома с зияющими глазницами окон и заминированными полями. Жителей нет. Остались только цыгане, торгующими барахлом, – тоже своеобразный памятник прежней мирной жизни. Памятники – это и сама память тех, кого предали соседи, считавшиеся ранее друзьями. Живой памятью войны стали и ее многочисленные инвалиды, всем своим видом, увечьями, нищетой грозно напоминающие не только о необходимости мира, но и об отместии.

Памятники – это и памятные дни. Так, в Хорватии есть День победы и благодарности отчизне и день хорватских защитников. Он отмечается 5 августа в память о победе в войне за независимость, конкретно, взятии в этот день в 1995 г. в ходе операции «Буря» города Книна – столицы самопровозглашенной республики Сербская

Крайна, что привело к восстановлению территориальной целостности Хорватии.

Не буду дальше останавливаться подробно на памятниках, которые встречаются в таких красивых хорватских городах, как Шибеник, Задар, Сплит. Скажу лишь, что памятник первой хорватской жертве войны установлен Йосипу Йовичу, погибшему 31 марта 1991 г. на Пасху в столкновениях на Плитвицких озерах. С тех пор этот день у хорватов получил название «кровавой Пасхи». Этот изумительный озерный край не раз становился позже ареной боев, и сейчас еще не все мины, которыми была напичкана земля, разминированы. Кстати, эти мины тоже можно назвать своеобразными памятниками будущим жертвам. И таких «памятников» еще немало таится в Хорватии, в Боснии...

И что в итоге? Его не будет. Это Балканы, где национализм может рождаться в истории, в чувстве, в прессе, в искусстве, в жизни – об этом все сказано в начале.

Логика? В иррациональном ее не может быть. Но тем не менее я попробую.

Первое: развал Югославии и победный марш национализма обусловлены, не в последнюю очередь, уходом маршала, ликвидацией СССР – этого гаранта целостности соцстран и одновременно своеобразной клетки, даже если она и широкая, политикой Запада по расширению «Римской империи» и одновременно обкарнания «Восточной», т. е. России.

Второе: национализм в военном мундире был законным следствием официальной политики.

Третье: если есть культура, это аксиома, то есть и антикультура. Балканы представляют собою прекрасный образчик удивительного сочетания этих двух феноменов человеческого общежития.

Примечания

¹ Stanivuković Z. Izjedanje identiteta // Nedeljne informativne novine (NIN). Beograd, 2002. 13 февр., № 2720.

² Nježić T. Matija Bečković za «Blic»: Botovi su potomci kerova iz Gornje Morače // Blic. 2016. 16 февр.

³ Ugrešić D. Kultura laži. Beograd, 2008. S. 294.

⁴ Тодев И. Човекът е историческо животно: рефлексии и саморефлексии. София, 2015. С. 247.

⁵ Марковић С. Светомир Антич Басара или скулптура као судбина. Београд; Приштина, 2004. С. 112.

⁶ Цит. по: Там же. С. 107.

⁷ Цит. по: Там же. С. 114.

⁸ Там же. С. 118, 121.

⁹ Intervju: Rajko Petrov Nogo Poezija dokumentarnjih detalja // NIN. 1998. 2 апр., № 2466.

¹⁰ Драгојевић Н. Чијали си земља // Да се не заборави. Београд, 2008. С. 57–58.

¹¹ Ugrešić D. Op. cit. S. 89.

¹² Ibid. S. 87–88.

¹³ Ibid. S. 181.

¹⁴ Милошевич Л. Комментарий к статье Д. Димитриевич «Низбрдица у култури» // Политика онлайн. 2013. 18 дек. URL: <https://1tv.ru> (дата обращения: 15.04.2016).

¹⁵ Ћирјаковић З. Прави Срби и случајни Хрвати // Политика онлайн. 2013. 27 марта.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ржонсницкий Б. Н. Никола Тесла. URL: <http://electrolibrary.info> (дата обращения: 06.04.2016).

¹⁸ Ugrešić D. Op. cit. S. 93.

¹⁹ Ibid. S. 271.

²⁰ Во всем виноват Иво Андрич // Српска. ру. 2009. 8 апр.

²¹ Ugrešić D. Op. cit. S. 218, 219.

²² Ibid. S. 364.

²³ URL: <http://srpska.ru> (дата обращения: 06.04.2016).

²⁴ Арх. авт. Запись словенки «N» от 11 декабря 2015 г.

²⁵ Борозан И. Меморијални пејзаж: Мишарско поље 1806–1906 године // Простори памћења: зборник радова. Београд, 2013. Т. 1: Архитектура. С. 112.